

**«ПЛАВАТЬ» ПО-ТУРЕЦКИ: ТРИ ЗАМЕТКИ
ПО ПОВОДУ СБОРНИКА
«ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ В ВОДЕ»**

Вышел в свет сборник «Глаголы движения в воде: Лексическая типология» под редакцией Т. А. Майсака и Е. В. Рахилиной [Глаголы 2007], в котором рассматриваются глаголы указанной семантической группы более чем в 30 языках мира, включая такие тюркские языки, как карачаево-балкарский, хакасский и турецкий. Хотелось бы в трех кратких пунктах изложить наши соображения относительно турецкой лексики, связанной с семантикой плавания (I), некоторые общие положения (II), необходимые для обоснования критических замечаний, указанных в пункте (III). Все материалы и выводы сборника заслуживают самой высокой оценки. При этом, однако, отдавая себе отчет в том, что данная книга написана плечей ведущих специалистов по общему языкознанию и конкретным языкам, мы все же считаем, что методологический аспект подхода к проблемам лексической семантики нуждается в серьезных уточнениях, которые в конечном счете призваны лишь сделать еще более плодотворными подобные исследования по другим языкам и по другим пластам лексики.

I

Трудно согласиться с тем, что турецкий язык беден глаголами, связанными с семантикой плавания: «“Бедными” мы будем считать прежде всего системы, в которых есть только один специальный глагол плавания ‘как в турецком или в аварском...» [Глаголы 2007: 29]. Такое, на наш взгляд, заблуждение может проистекать из трех причин: а) искусственно (и неправомерно) узкий подход к пониманию глагольной лексической единицы, б) недостаточное владение конкретным языковым материалом и в) принципиальная, как нам представляется, ошибочность самого понятия «специального глагола плавания»: таких глаголов, как и глаголов, например, «парусных», «весельных» и пр. [Глаголы 2007: 42], не существует, что мы попытаемся пояснить позже в опоре на раздел II.

При анализе персидских глаголов авторы справедливо учитывают формы с вспомогательным глаголом *kardan*: *šenā kardan* ‘плыть’ [Глаголы 2007: 32 и др.]. В турецком языке тоже имеются вспомогательные глаголы; это, прежде всего, *etmek* ‘делать’, *olmak* ‘быть’, а также целый ряд других глаголов, которые широко функционируют в роли вспомогательных. К таким глаголам относится, в частности, *çekmek* ‘тянуть’. В связи с этим сочетание *kürek çekmek* ‘грести’ является таким же глаголом с семантикой передвижения по воде, как и упомянутый персидский глагол *šenā kardan*. Однако турецкое *kürek çekmek* в рецензируемом сборнике не учитывается и не упоминается.

Как известно, не только слово имеет грамматический компонент значения, но также словосочетание и предложение имеют номинативный (по сути, лексический) компонент значения, что проявляется, например, в понятии пропозитивной номинации [ЛЭС 1990: 346, 396, 641]. Поэтому утверждение о том, что наличие в английском языке глаголов *walk* ‘идти, гулять’, *march* ‘маршировать’, *pace* ‘шагать’, *stride* ‘идти широким шагом’, *tramp* ‘тяжело ступать’, *tread* ‘наступать, ступать’, *wade* ‘идти, пробираться по грязи’ и т. п. свидетельствует якобы о «большей значимости способа движения для носителей языков типа английского» по сравнению с турецким языком [Глаголы 2007: 469], представляется сугубо ошибочным. В турецком языке имеются такие единицы, как *adım atmak* ‘шагать’, *gar gar yürümek* ‘маршировать в строю’, *basmak* ‘ступать’, *adımlarını aşmak* ‘идти широкими шагами, торопиться’, *-da dolaşmak* ‘где-то ходить, при управлении местным падежом’, *-i dolaşmak* ‘обойти целиком что-то, при управлении винительным падежом’, *gezmek* ‘гулять’, *dönüp dolaşmak* ‘долго ходить’, *dört dönmek* ‘ходить кругами, метаться’, *dolanmak* ‘ходить вокруг’, *badi badi yürümek* ‘переваливаться при ходьбе’ и пр.

Отношение авторов сборника к данным вопросам может прояснить их следующее замечание: «сказанное не означает, что противопоставление пассивного перемещения vs нахождения в воде не может быть выражено в данных языках – просто в них в таких случаях привлекаются другие, в частности, грамматические средства – например, сериальные конструкции

типа *плавая идет, плавая приходит...*» [Глаголы 2007: 50]. Однако ограничение лексического начала лишь внешним наличием одной отдельной лексемы и отнесение к началу грамматическому любых сочетаний словесных форм, очевидно, неверно (мы об этом уже сказали выше; кроме того, к непосредственной сфере лексикологии относится, как известно, фразеология с различными типами сочетаемости слов). Таким образом, вся теория лексически богатых, средних и бедных языков по отношению к той или иной тематике основывается, по нашему мнению, на недопустимо узком понимании лексического начала и поэтому, так сказать, повисает в воздухе.

Трудно согласиться с тем, что конструкция с деепричастной формой «не является употребительной в турецком» [Глаголы 2007: 469, 470]: *Kız koşa koşa geldi* ‘Девушка прибежала’, *Nehri yüzerek geçtik* ‘Мы переплыли через реку’ и пр.

Для карачаево-балкарского языка отмечается наличие глагола *кьалкъ-аргъа* («описывает всплытие...», с. 470), но не отмечается турецкий глагол *kalkmak* ‘отплывать, отходить’: *Varur kalkıyor* ‘Пароход отплывает’.

Турецкие глаголы с семантикой плавания, не учтенные в работе: *batmak* ‘тонуть, погружаться, о предмете’, *boğulmak* ‘тонуть, о человеке’, *ilerlemek* ‘продвигаться, идти, о судне или другом транспорте’, *dalmak* ‘нырять, погружаться, о человеке или подводной лодке’, *yüzdürmek* ‘снять с мели, поднять на поверхность судно’. Эти глаголы следовало бы включить, поскольку рассматриваются русские глаголы *плыть* и *плавать*.

В книге характеризуется группа китайских лексем с компонентом *yǒng* ‘плыть’, которые специализированы на описание различных стилей плавания. Но тогда следовало бы включить и соответствующие турецкие единицы: *kulaç atmak* ‘плавать кролем’, *kulaçlamak* ‘плавать кролем’, *kurbağalama yüzmek* ‘плавать брассом’, *sırtüstü yüzmek* ‘плавать на спине’. Если рассмотрены японское *суйей сурү* ‘заниматься спортивным плаванием’ и корейское *suueng hata* с тем же значением [Глаголы 2007: 36], то следовало бы включить и турецкое *yüzme yarışına katılmak* ‘участвовать в соревнованиях по плаванию’.

Поскольку говорится о глаголе *уйны* ‘плавно плыть, *об одушевленных субъектах*’ в языке коми, то следовало бы включить и турецкое *süzülmek* ‘одно из значений. скользить, парить’: *Baktım süzülüp geçti açıktan iki sandal* ‘Я увидел, как в открытом море плавно проплыли две лодки’ [Türkçe Sözlük 1998].

Наряду с английским *sail* ‘плыть, *о судне*’ и немецким *segeln* ‘плыть, *о парусном судне*’ имеется турецкое *yelken açmak* ‘выйти в море на парусном судне’. Имеется также отдельное слово *yelkenlemek* с тем же значением, но относящееся к аргю.

Если для языка бенгали отмечается глагол, означающий ‘подплывать, приближаться к берегу’ [Глаголы 2007: 44], то необходимо было бы включить и турецкий глагол *уанаşmak* с тем же значением.

Турецкие глаголы со значением «дрейфования»: *akıntıya kapılmak* и *akıntıyla sürüklenmek* ‘плыть по течению, дрейфовать’.

II

Вышедший сборник, являющийся «уникальным лексико-типологическим экспериментом, сопоставляющим лексику движения в воде более чем в 30 языках мира» [Глаголы 2007: 23], не может не затрагивать самих основ семантики. Как известно, вопрос о том, что такое значение, «относится к разряду вечных и, несмотря на многовековую историю, до сих пор не получил не только общепризнанного, но даже хотя бы достаточно ясного ответа» [Кронгауз 2005: 53]. То, что большинство наших отечественных ученых считает непререкаемыми основами семантики, во многих западных школах целиком игнорируется. И наоборот, у нас игнорируются западные подходы. Эта замкнутость часто подогревается излишней эмоциональностью. Например, А.А. Уфимцева писала об «отставании американской лексикологической науки» как о своеобразном «семантическом параличе» [Общее языкознание 1972: 471]. Примерно такую же оценку можно встретить и в Лингвистическом энциклопедическом словаре. Между тем общепризнанное в мире издание, каким является Британская энциклопедия, дает определение и описание лексического значения чисто в духе американского дескриптивизма с опорой на работы

известного американского философа Поля Зиффа (ум. 2003 г.). Этот подход ничего общего не имеет с тем, что «общепринято» у нас. Сказанное весьма важно. Оно должно снять у читателя возможный пренебрежительный настрой к тому, что может показаться неким слабым голосом, тонушим, так сказать, в мощном хоре авторитетов от лингвистики.

Отмеченная выше «вечность», нерешенность проблемы значения не является случайной. Такое положение, наоборот, дает ключ к пониманию данной проблемы. Дело не в том, что наука не умеет дать адекватное определение языковому значению, а в том, что оно в принципе неопределимо. Суть вопроса в преодолении абсолютизации рационального начала и признании того, что собственно реальность во всех своих проявлениях бесконечна. Бесконечным, а потому в принципе чуждым любой «адекватной», конечно-рациональной экспликации оказывается по своей глубинной сути и языковое значение, весь мир семантики, если ее понимать в собственном достаточно (по сути бесконечно!) широком смысле. Имеет ли семантику, например, Лунная соната? Безусловно, поскольку музыка содержательна. Но одновременно это содержание (семантика) с конечно-рациональной экспликацией несовместимо. То же относится к музыке (интонации) речи и к языку вообще.

В контексте сказанного термин «языковое значение» совпадает с понятием «смысл», который практически во всех случаях наряду с тем, что всегда с определенной долей условности выделяют в виде рационально-конечной, информативной части, имеет и часть бесконечную – экспрессивную, эмоционально-неповторимую. Внешне главной кажется информативная часть смысла (семантики), по сути же – в реальной жизни (а не в примерах, приводимых лингвистами) – главной почти всегда выступает именно его (ее, соответственно смысла и семантики) экспрессивная, бесконечная часть [Щека 2006: 193]. Признание бесконечной сути семантики и тем самым принципиальной невозможности ее рационально-конечного, сколько-нибудь исчерпывающего описания вовсе не означает, что наука (языкознание) терпит крах. Наоборот, преодоление абсолютизации разума (сведения реальности лишь к конечно-структурным сущностям) позволяет

ему осознать свои объективные границы и тем самым как бы выйти за их пределы [Щека 2004: 125].

В связи с этим следовало бы сказать об общей рационалистической, структурной методологии современного языкознания как проявлении именно абсолютизации разума. Например, о представлении языка И. А. Мельчуком в виде механизма, «переводящего смыслы в языковую форму и, наоборот, языковую форму в смыслы» [Мельчук 1974: 19]. За этой внешне, вроде, «разумно простой» концепцией скрывается, по нашему мнению, искажение сути языка до неузнаваемости, поскольку ни о каком «переводе» сущности бесконечной, т. е. смысла, в сущность конечную, т. е. в языковую структуру, не может быть и речи!

Понимание формы знака в современном языкознании представляется кардинально ущербным. Это понимание фактически приравнивается к тому, что воспринимает человек, *не* владеющий данным языком, или к тому, что не воспринимается никем вовсе. Но тогда форма языкового знака оказывается лишь шумом или пятном грязи (если речь идет о графической форме)! Собственно формой языкового знака является не только то относительно небольшое число звуков речи, наличие которых друг относительно друга в каждой данной единице языка требуется с достоверностью, т. е. с вероятностью, равной единице (назовем это внутренней частью ее формы), но и множество других звуков речи, объединенных в различные комплексы и группы, которые всегда окружают внутреннюю часть формы данного знака и наличие которых имеет место с той или иной вероятностью меньшей, чем единица (назовем это внешней частью формы знака). Подчеркнем еще раз, что вся система форм, соотносящихся по вполне определенным вероятностным законам с внутренней частью формы данного знака, также является неотъемлемой частью формы этого знака. Поэтому собственно языковые формы – это исключительно лишь текстовые знаки. Если же мы хотим изучать отдельные слова или показатели, то мы не должны забывать, что важнейшим свойством их формы является система вероятностных связей с другими единицами, их вхождений в контексты, т. е. их место в пространстве других форм языка, которые (связи) можно

конкретно описать системой вероятностных характеристик. Однако именно это фактически игнорируется современным структурным языкознанием, которое за форму знака принимает лишь физические шумы или пятна на бумаге, противопоставляет им некий в конечном, отдельном виде не существующий структурный смысл и рассуждает при этом об условности связей между ними! В связи со сказанным понятно, что роль субъекта, воспринимающего знаковую форму, не случайна. Она абсолютно необходима для того, чтобы форма знака вообще «состоялась», «наличествовала». Воспринимающий субъект не только слышит (или видит написанное), но и реализует в своем сознании определенную систему совокупных связей данной внутренней формы знака с другими знаками, т. е. реализует то, что мы назвали внешней частью формы. Лишь таковой представляется собственная, полноценная форма всякого языкового знака.

Полноценная форма знака не изучена. Поэтому истинная ценность рецензируемого сборника по глаголам движения в воде заключается, по нашему мнению, именно в том, что этот труд отвечает крайне насущной объективной потребности современного языкознания и изучает полноценную форму лексических знаков, но вовсе не в создании лексической типологии в том собственном смысле, который имеют в виду его авторы. Собственно лексической типологии в том «прямолинейном» виде, как ее представляют авторы, по нашему убеждению, не существует и существовать не может. Вместе с тем, лексическая типология является совершенно необходимой как вспомогательный условный понятийный аппарат, обеспечивающий практическое описание полноценной формы знака языка. Итак, полноценная форма знака реализуется в языковом сознании воспринимающего субъекта, который может выразить ее в опоре на понятия, а главное, в обязательной опоре на примеры, являющиеся полноценными (текстовыми) знаковыми формами. Отдельные формы слов и, в частности, глагольные формы являются частью соответствующих полноценных знаковых форм. Сами по себе они не могут быть некими непосредственными составляющими смысла (например, потому, что смысл в принципе не сводим к структуре, он принципиально антиструктурен). В связи с этим лин-

гвистическое понятие значения – в данном контексте в отличие от предыдущего оно уже противопоставлено смыслу – фактически служит восполнению внешней части *формы* языкового знака, которая объективно существует, но остается вне адекватного внимания лингвистов.

Полноценные формы знаков языка реализуются (собственно имеют место) в виде постоянного регулярно-системного воспроизведения в речи. При этом на систему этих воспроизводящихся форм опирается вся реальная деятельность людей. Мы видим, что языковое значение является сущностью структурной (принципиально противостоящей собственно семантике, смыслу, как началу бесконечному, антиструктурному) и фактически описывающей внешнюю (вероятностную) часть *формы* языкового знака. При этом связь этого значения (т. е. системы регулярного вхождения соответствующей формы в контекст, в жизнь) со смыслом, этой жизнью, реальностью, вовсе не условна, а вполне закономерна.

III

Из сказанного следуют разнообразные критические замечания, которые не меняют конкретного и теоретического содержания рецензируемого сборника, но касаются его методологии и в этом плане представляются чрезвычайно важными. Так, соотнесение лексического значения с понятием и/или предметом принципиально условно, оно по необходимости используется в традиционной и прикладной лингвистике. В собственно же теоретическом плане отдельное слово (как и любая единица языка) значения – в смысле сущности, поддающейся конечной рациональной экспликации – не имеет. Авторы работы пишут: «Можно считать, что мы умеем описывать семантику лексики отдельного языка...» [Глаголы 2007: 14] или «всякое языковое значение во всяком языке может быть описано средствами самого этого языка...» [Там же: 15]. Данные утверждения, по нашему мнению, решительно не соответствуют действительности. Не только для «отдельного языка» или «средствами самого языка», но вообще и в принципе языковое значение не может быть описано. В собственном, теоретически строгом смысле оно «описывается» лишь условно при

обязательной опоре на примеры, предъявляющие варианты полной формы словесного знака, т. е. в неизменной опоре на конкретный контекст.

Подход к языковой картине мира и гипотезе Сепира-Уорфа, наблюдающийся в рецензируемом сборнике, представляется недопустимым упрощением. Полноценный знак (конкретный характер его формального устройства), т. е. язык, никак не «разрезает» реальность, как это утверждает, например, один из авторов сборника: «Not all languages carve up the Ground-space in this way...» (Не все языки разрезают Землю-пространство таким образом...) [Глаголы 2007: 152]. Логически рациональная, разумно-конечная (структурная) часть реальности во всех языках одинакова. Плавание во всех языках совершенно одинаково!

Гипотеза же Сепира-Уорфа справедлива в другом, экспрессивно бесконечном, эмоционально-уникальном, невыразимо своеобразном – одним словом, внеструктурном – представлении мира.

В данных заметках ограничимся сказанным, хотя подробный и конкретный анализ материалов сборника необходимо было бы продолжить в других, более подробных публикациях.

Литература

Глаголы движения в воде: Лексическая типология. – М.: «Индрик», 2007.

Кронгауз М. А. Семантика. – М., 2005.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». – М., 1974.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М., 1972.

Щека Ю. В. Современная теория речевой коммуникации как шаг к истине и как заблуждение // Вавилонская башня. Слово. Текст. Культура. – М., 2006.

Щека Ю. В. Критика абсолютизации разума // Московский писатель № 2 (9), декабрь 2004 г. – М., 2004.

Türkçe Sözlük. – Ankara, 1998.